

АНА ТИХАЯ

**ГРИНВУД:
ТАНЦУЙ СО МНОЙ
ИЛИ ЗАПРЕЩЁННЫЙ ПРИЁМ**

РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ана Тихая

**Гринвуд. Танцуй со мной,
или Запрещённый приём**

«Автор»

2026

Тихая А.

Гринвуд. Танцуй со мной, или Запрещённый приём / А. Тихая — «Автор», 2026

Он — ледяной король академии. Она — пламя, способное этот лед растопить. Ева привыкла всё держать под контролем. Профессиональная танцовщица, знающая цену дисциплине, она переезжает в другую страну, мечтая о спокойной учебе и новом старте. Но спокойствие рушится в первый же день, когда самовлюбленный капитан хоккейной команды сбивает её с ног и даже не думает извиняться. Райан Гринвуд живет хоккеем. Умный, мускулистый, чертовски привлекательный — он привык, что мир вращается вокруг него, а девушки готовы на всё ради одного его взгляда. Он никогда не встречал отпора, пока в его жизни не появилась Ева. Девчонка, которая смотрит на него с презрением, а не с обожанием. Судьба подбрасывает им еще одно испытание: Еве предлагают возглавить группу поддержки. Теперь она на его территории. В его Ледовом дворце. Между ними начинается война — война характеров, взглядов и невысказанных желаний. Райан уверен, что сломает её сопротивление. Ева обещает себе, что заставит его играть по своим.

© Тихая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	31
Глава 15	32
Глава 16	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ана Тихая

Гринвуд. Танцуй со мной, или Запрещённый приём

Глава 1

Ева

Новый город пах дождем, кофе и дорогим парфюмом. Я стояла перед коваными воротами Академии Сент-Джуд и чувствовала себя так, будто меня забросили на другую планету.

«Рассудительность, Ева. Только рассудительность», — твердила я себе, сжимая лямку рюкзака. Родители были в восторге от переезда, а я... я оставила в прошлом всё. Свою танцевальную студию, своих девчонок и парня, который за неделю до отъезда заявил, что «устал ждать». Его слова «Ты слишком сложная, Ева, жизнь должна быть проще» до сих пор неприятно покалывали где-то под ребрами. Быть девственницей в девятнадцать лет в нашем мире — это как носить на лбу мишень. Но я не была готова отдавать себя просто «для галочки». Я ждала чего-то настоящего, а получила лишь разочарование.

Я выпрямила спину. Годы вога и хип-хопа научили меня: даже если земля уходит из-под ног, держи лицо.

Я уткнулась в телефон, пытаясь найти на карте корпус искусств, как вдруг мир сошел с орбиты.

Мощный удар в плечо. Я даже не успела выставить руки — просто отлетела в сторону, и через секунду мои светлые брюки-карго впитали в себя всю грязь из лужи у газона. Мой телефон, описав дугу, с противным всплеском приземлился следом.

— Черт! — выдохнула я, чувствуя, как ярость поднимается от самых кончиков пальцев.

— Смотри, куда прешь, новенькая! — раздался сверху голос, от которого зазвенело в ушах. Густой, уверенный и до тошноты высокомерный.

Я подняла голову. Над мощными плечами, обтянутыми курткой с эмблемой «Saints», красовалось лицо, которое могло бы принадлежать греческому богу, если бы боги были такими самовлюбленными придурками. Его темно-синие глаза смотрели на меня с ленивым пренебрежением.

— «Новенькая»? — Я вскочила быстрее, чем он успел моргнуть. Внутри всё кипело, но голос был холодным, как сталь. — Это ты сейчас несешься как стадо бизонов, не видя ничего перед своим породистым носом.

Его ухмылка дрогнула. Позади него заржали трое таких же амбалов, но он быстро их заткнул одним взглядом.

— Ты, кажется, не поняла, малявка, — он сделал шаг вперед, вторгаясь в моё пространство так бесцеремонно, что я почувствовала запах его одеколона. Мороз и цитрус. — Это моя территория. Когда видишь команду, просто отходи в сторону. Сэкономишь на химчистке.

— Бесплатный совет, капитан, — я подошла к нему еще ближе, почти касаясь его груди. — Купи очки. Или научись пользоваться мозгами, а не только мышцами. Твоя масса явно превышает возможности твоего интеллекта.

Я увидела, как в его глазах вспыхнул опасный огонек. О, он не привык, чтобы ему отвечали. Прекрасно.

Я подняла свой телефон из грязи, вытерла его и, не удостоив этого «короля» даже взглядом, прошла мимо, намеренно задев его плечом. Мои руки дрожали от адреналина.

«Сент-Джуд, добро пожаловать в ад», — подумала я. Потому что я не собиралась быть тихой новенькой.

Райан

— Ого, Кэп, тебя только что размазали, — заржал Маркус, когда девчонка скрылась за углом.

Я стоял и смотрел ей вслед, не в силах сдвинуться с места. Плечо, которое она задела, горело. Эта мелкая... как она меня назвала? Бизоном?

— Заткнись, Марк, — бросил я, чувствуя, как внутри закипает странное раздражение, смешанное с азартом.

Обычно девчонки в этой академии делятся на два типа: те, кто вешается на шею, стоит мне только снять шлем, и те, кто краснеет и заикается, когда я прохожу мимо. Но эта... У неё был взгляд профессионального киллера. Рассудительный, острый и совершенно равнодушный к моему статусу «золотого мальчика» хоккея.

— Она красивая, — заметил Зак, рассматривая свои ногти. — Дерзкая. И походка... ты видел? Она двигается так, будто под её ногами не асфальт, а подиум.

Я видел. Я видел всё. То, как плотно сидел на ней топ, открывая вид на подтянутый живот танцовщицы. То, как она вскинула подбородок, когда я попытался её придавить своим авторитетом.

«Райан, забудь. У тебя сезон на носу», — приказал я себе. Мой отец спит и видит меня в НХЛ, и любые отвлечения — это риск. У меня нет постоянной девушки не потому, что я монах, а потому, что мне некогда возиться с их драмами. Хоккей — это моя жизнь, мой воздух.

Но почему-то, когда я закрывал глаза, я снова видел эти разъяренные карие глаза и чувствовал запах её духов — ваниль и что-то горькое, похожее на миндаль.

Я привык к победам. На льду мне нет равных, и в жизни я всегда получаю то, что хочу. Но эта девчонка не выглядела как приз, который можно легко выиграть. Она выглядела как крепость, которую нужно брать штурмом.

— Кто она вообще такая? — спросил я, садясь в машину.

— Кажется, та самая новенькая из Европы, — отозвался Маркус. — Говорят, она какая-то крутая танцовщица. Поступает на искусство.

— Искусство, значит... — я завел мотор, и рокот двигателя отозвался в груди. — Посмотрим, как её искусство выстоит против моего льда.

Я знал, что мы еще встретимся. В академии Сент-Джуд пути всегда пересекаются, особенно если я сам этого захочу. Я еще не знал, что эта встреча в луже была началом конца моего привычного, понятного мира.

И уж точно я не знал, что эта «ледяная принцесса» скрывает за своей дерзостью чистоту, которую я никогда раньше не встречал.

Глава 2

Ева

Кабинет деканата был залит мягким светом, но мне казалось, что я на допросе. Миссис Харрис, женщина с глазами цвета перспелой оливы, с восторгом изучала мои документы.

— Ева, твои рекомендации из Европы... это нечто. Современная хореография, все стили, победы на баттлах. Нам очень повезло, что твой отец переехал именно к нам.

— Я просто хочу учиться, — ответила я, рассматривая корешки книг на полках. — Искусство и музыка. Я хочу на время оставить сцену.

— Понимаю. Но у нас есть одна... деликатная проблема. — Она замялась. — Группа поддержки нашей хоккейной команды. Старый состав распался, там царит хаос. А спонсоры требуют шоу. Тренер по черлидингу увидел твои видео с вогом и хаусом и буквально умолял меня уговорить тебя.

Я едва не поперхнулась воздухом.

— Вы хотите, чтобы я... черлидерша? Трясти помпонами и улыбаться парням, которые не могут связать двух слов?

— Нет, Ева. Мы хотим, чтобы ты стала их хореографом. Полная свобода действий. Нам не нужен классический черлидинг, нам нужно что-то современное, дерзкое. То, что ты делаешь. Это покроет твою социальную практику и даст тебе доступ в лучшие залы.

Я уже хотела сказать твердое «нет», но перед глазами вдруг всплыло лицо того парня у ворот. Гринвуд. Капитан. Его территория. Его правила.

«Значит, ты думаешь, что я малявка, которая мешается под ногами?» — прошептал мой внутренний голос.

Внезапно идея оказаться в эпицентре его мира — на ледовой арене — перестала казаться ужасной. Это была возможность. Возможность показать ему, что настоящая сила — это не только мышцы, но и контроль, дисциплина, искусство.

— Ледовый дворец? — переспросила я, чувствуя, как внутри разгорается азарт.

— Да. Тренировки сразу после их практики.

— Хорошо, — я хищно улыбнулась. — Я согласна. Но предупреждаю: я перепишу их программу с нуля. И никакой «милрой» классики. Будет жестко.

Выходя из кабинета, я чувствовала, как адреналин бежит по венам. Я знала, что иду в логово зверя. Но я не была добычей. Я была охотником, который собирался превратить его жизнь в один сплошной баттл.

Райан

Тренировка прошла паршиво. Я дважды пропустил пас, который мог бы закрыть даже первокурсник, и один раз чуть не врезался в Маркуса на ровном месте.

— Кэп, ты сегодня как во сне, — буркнул Тайлер, снимая защиту в раздевалке. — Всё еще думаешь о той девчонке из лужи?

— Отвали, Тай, — огрызнулся я, стаскивая пропитанное потом джерси.

На самом деле он был прав. Я не мог выкинуть из головы её взгляд. Тот момент, когда она подошла вплотную... Я до сих пор чувствовал запах её духов. Ваниль? Нет, что-то более сложное. Горькое, как её слова.

Обычно девушки смотрят на меня как на билет в лучшую жизнь или на красивую картинку. Но Ева... она смотрела так, будто я был грязным пятном на её идеально чистом пути. Это бесило. Это задевало моё эго так сильно, что кулаки сжимались сами собой.

— Ребята, вы это слышали? — В раздевалку влетел Зак, наш вратарь, с горящими глазами. — В группе поддержки пополнение. Нам назначили нового хореографа.

— И что? — я лениво откинулся на скамью. — Очередная блондинка с амбициями тренера?

— Нет, Кэп. Это та самая... дерзкая девчонка. Ева.

Я замер. Тишина в раздевалке стала почти осязаемой.

— Она? — я медленно поднялся. — Ты шутишь?

— Никаких шуток. Тренер сказал, она из профессионалов. Будет делать из наших девчонок «машины для шоу». Первая тренировка сегодня, сразу после нас.

Я почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз, а потом забилось вдвое быстрее. Она будет здесь. На моей арене. Каждый день.

— Ну что ж, — я натянул чистую футболку, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. — Посмотрим, на что способны её «профессиональные» танцы на нашем льду.

Я знал, что должен уйти домой, выспаться перед завтрашней игрой. Но ноги сами понесли меня к выходу на трибуны. Я хотел увидеть её. Хотел убедиться, что она — всего лишь очередная девчонка, которая пасует перед трудностями.

Но когда я увидел её в центре катка — в черных облегающих легинсах, с собранными в тугий узел волосами, отдающую команды так, что даже Бриттани стояла по стойке «смирно» — я понял: я влип.

Она двигалась под бит, который заставлял стены дворца дрожать. В каждом её движении была такая дикая грация и уверенность, что у меня перехватило дыхание.

«Девственница, говорите?» — пронеслось в голове. Если это правда, то она — самая опасная вещь, которую я когда-либо встречал. Потому что за этой неприступностью скрывался такой огонь, который мог бы расплавить весь лед этой академии.

Я стоял в тени и смотрел, как она танцует, и впервые в жизни я не знал, как играть в эту игру. Потому что правила здесь устанавливала она.

Глава 3

Ева

Первая официальная тренировка с «черлидершами» (хотя я запретила им использовать это слово) выжала из меня все соки. Бриттани и её свита пытались протестовать, когда я заставила их делать базу поппинга и изоляцию шеи вместо привычных взмахов помпонами, но один мой ледяной взгляд заставил их замолчать. В танце я не знала жалости.

Я вышла из Ледового дворца, когда на улице уже стемнело. Холодный воздух Новой Англии моментально пробрал до костей после жаркого зала.

— Ну что, «малышка», всё еще думаешь, что выживешь в этом климате? — Раздался знакомый голос из тени парковки.

Райан стоял, прислонившись к своему черному внедорожнику. Куртка расстегнута, в руках — стакан с кофе, от которого шел пар. Он выглядел как ожившая реклама мужского парфюма: самоуверенный, опасный и до бешенства красивый. После того как я увидела его игру сегодня, я знала, что за этой внешностью скрывается зверь. Но признавать это вслух? Никогда.

— Я выживала в залах без отопления, готовясь к чемпионатам, Гринвуд. Твой «климат» для меня — легкий сквозняк, — я прошла мимо, даже не притормозив.

— Слышал, ты заставила их сегодня учить движения, похожие на конвульсии, — он пошел следом, его шаги были тяжелыми и ритмичными. — Девчонки в шоке. Бриттани жаловалась тренеру, что ты «слишком агрессивная».

Я остановилась и резко развернулась. Райан не успел затормозить и едва не врезался в меня. Мы оказались так близко, что я почувствовала тепло, исходящее от него.

— Агрессивная? — я усмехнулась, глядя ему прямо в глаза. — Нет, Райан. Я просто профессионал. И если твои фанатки не могут согнуть спину, не сломав ноготь, это не моя проблема. Я сделаю из них шоу, от которого у тебя челюсть отвиснет на первом же матче.

— У меня не отвиснет, — он наклонился ниже, его голос стал тише и грубее. — Я видел твои танцы сегодня из тени. Ты технична, не спорю. Но в тебе нет... жизни. Ты как ледяная статуя, которая научилась двигаться.

Это был удар ниже пояса. Слова бывшего — «ты слишком правильная, ты скучная» — всплыли в памяти едким осадком. Я почувствовала, как щеки вспыхнули не то от холода, не то от злости.

— Ты ничего не знаешь о моей жизни, Гринвуд. И уж точно не тебе судить о том, что у меня внутри. Ты привык к легкодоступным эмоциям, а я... я не привыкла размениваться по мелочам.

Я развернулась и зашагала к своему общежитию. Мои пальцы сжимали лямку сумки так сильно, что костяшки побелели. Он задел меня. Нашел ту самую трещину в моей броне, которую я так тщательно скрывала под маской рассудительности.

Завтра общая лекция. История искусств. И я знала одно: я не просто приду туда. Я сделаю всё, чтобы Райан Гринвуд понял — эта «ледяная статуя» может сжечь его дотла.

Райан

Я смотрел ей вслед, пока её силуэт не скрылся за поворотом. Кофе в стакане давно остыл, но я продолжал сжимать его.

— «Ледяная статуя», — пробормотал я. — Черт, Райан, ты умеешь подбирать слова.

Я соврал ей. В ней было столько жизни, что у меня искры летели из глаз, когда она танцевала. Она двигалась так, будто музыка была её единственным кислородом. Но её неприступность... эта её чертова «рассудительность» выводила меня из себя. Мне хотелось вывести её из равновесия, заставить её закричать, рассмеяться — сделать хоть что-то, что разрушило бы этот идеальный фасад.

Она была первой девчонкой, на которую не действовали мои стандартные приемы. И это подстегивало меня сильнее, чем любой финал кубка.

На следующее утро я пришел в аудиторию за десять минут до начала лекции. Маркус и Тайлер уже заняли задний ряд, обсуждая предстоящую игру, но я сел на пару рядов ниже, откуда открывался идеальный вид на вход.

Дверь распахнулась, и в аудиторию вошла она.

Весь шум в помещении мгновенно стих. Ева не надела привычные мешковатые штаны. На ней было платье-лапша темно-изумрудного цвета, которое облегло каждую линию её фигуры, подчеркивая безупречную осанку танцовщицы. Высокие сапоги, волосы, рассыпанные по плечам, и этот её взгляд — прямой и спокойный.

Она прошла мимо меня, обдав запахом ванили и горького миндаля. Она даже не посмотрела в мою сторону, но я заметил, как напряглась её спина, когда она садилась через проход от меня.

— Ого... — выдохнул Тайлер у меня за спиной. — Кажется, наш хореограф решила сегодня устроить террор.

Я ничего не ответил. Я просто смотрел, как она открывает тетрадь, как её пальцы с тонкими кольцами сжимают ручку. В голове была полная каша из истории Ренессанса и желания прямо сейчас подойти и спросить, почему она так чертовски сильно меня бесит.

Профессор начал лекцию, но я не слышал ни слова. Я ждал момента, когда смогу снова заговорить с ней. И этот момент наступил, когда профессор объявил о парном проекте.

— Итак, — старик поправил очки. — Для подготовки анализа современной хореографии и её связи с классическим искусством я распределяю вас по парам. Гринвуд и...

Я затаил дыхание.

— ...и Ева Новак. Прошу обсудить темы после лекции.

Я увидел, как ручка в руке Евы замерла. Она медленно повернула голову в мою сторону. В её глазах читался чистый, неразбавленный ужас вперемешку с яростью.

Я же медленно улыбнулся. Это был мой запрещенный прием.

— Кажется, — я понизил голос, чтобы слышала только она, — нам придется потанцевать вместе, Ева. Не на льду, так на бумаге.

Глава 4

Ева

После лекции я пулей вылетела из аудитории. Проект с Гринвудом? Это была злая шутка судьбы. Я так сильно сжимала лямку сумки, что не заметила, как на повороте в библиотеку врезалась в девушку с огромной папкой в руках.

— Осторожнее! Мои эксклюзивы сейчас разлетятся как сплетни по кампусу, — бодро воскликнула она, ловко подхватив падающий диктофон.

На ней были огромные очки в роговой оправе и футболка с надписью «Stop making stupid people famous». Она выглядела так, будто готова в любой момент выйти на митинг.

— Прости, я просто... не в себе из-за одного самоуверенного качка, — выдохнула я, помогая ей собрать листы.

Девушка замерла, её глаза за стеклами очков блеснули.

— Дай угадаю. Номер 16? Капитан «Святых»? Гринвуд — ходячая катастрофа для женской самооценки. Я Лина, с журналистики. И я уже тебя обожаю за то, что ты не смотришь на него как на святого мученика.

Через десять минут мы уже сидели в студенческом кафе. Оказалось, Лина — единственная, кто открыто критикует культ хоккеистов в академии.

— Послушай, Ева, — Лина отпила свой черный кофе. — Здесь все помешаны на льду. Но ты — другая. Твои танцы — это манифест. Не позволяй Гринвуду превратить твой проект в его личное шоу. Если он будет давить — скажи мне, я прожарю его в следующем подкасте.

Впервые с момента переезда я почувствовала, что я не одна. У меня появилась подруга, которая не собиралась обсуждать пресс Райана 24/7.

Я уже собиралась уходить, как к нашему столику подошел парень. Высокий, в стильном пальто, с аккуратно уложенными волосами и папкой для чертежей.

— Простите, — его голос был мягким, но уверенным. — Я случайно подслушал ваш разговор о «ледяных статуях» на лекции. Я Адриан, с архитектурного. Ева, я видел твоё выступление в первый день в зале... Это было не просто движение. Это была геометрия страсти.

Он протянул мне визитку, на обороте которой был быстрый набросок — силуэт девушки в танце. Мой силуэт.

— Я готовлю проект по реновации старого театра. Мне нужен консультант, который понимает, как тело взаимодействует с пространством. Буду рад, если ты согласишься взглянуть на чертежи.

Я улыбнулась — впервые искренне за этот день.

— Спасибо, Адриан. Это звучит куда интереснее, чем анализ хоккейных силовых приемов.

Я краем глаза заметила, как у входа в кафе замер Гринвуд. Он стоял с друзьями, но его взгляд был прикован к нам. Точнее, к тому, как Адриан задержал мою руку, передавая визитку. Воздух в кафе мгновенно похолодал на несколько градусов.

— Посмотрите-ка на это, — протянул Маркус, кивая в сторону столиков. — Наша принцесса уже нашла себе рыцаря из «ботаников». Это же Адриан, золотой мальчик архитектурного.

Внутри меня что-то неприятно кольнуло. Какой-то холодный, липкий комок раздражения. Я видел, как этот парень улыбается Еве. И что еще хуже — я видел, как она улыбается ему в ответ. Мне она за все время ни разу не подарила даже тени такой теплой улыбки. Только колючки и лед.

— Он ей не пара, — бросил я, сжимая челюсти.

— Почему это? — удивился Тайлер. — Он умный, богатый, приличный. Не то что мы, «стадо бизонов».

Я не ответил. Я просто смотрел, как Адриан что-то шепчет ей, а она кивает, убирая его визитку в карман. В мой карман, — хотелось крикнуть мне, хотя это было полным бредом. Она не была моей. Она вообще ничьей не была.

Но мы в паре по проекту. И это мой единственный козырь.

Я намеренно громко хлопнул дверью кафе, привлекая внимание, и направился прямо к их столику. Мои друзья остались у входа, понимая, что сейчас будет «территориальный спор».

— Ева, — я проигнорировал Лину и Адриана, глядя только на неё. — Мы договорились обсудить проект после лекции. Ты ушла, не дождавись меня.

— Я не обязана тебя ждать, Райан, — она даже не обернулась. — У нас есть общая группа в мессенджере. Пиши туда.

— Группа — это для формальностей. Нам нужно встретиться лично. Сегодня вечером. В библиотеке. — Я перевел взгляд на Адриана. — И я уверен, что будущие архитекторы понимают важность дедлайнов. Не так ли, приятель?

Адриан спокойно поднял взгляд. В его глазах не было страха, только легкая ирония.

— Безусловно, Гринвуд. Но Ева сейчас занята более важными делами, чем обсуждение твоей статистики на льду.

— Мы обсуждаем не статистику, а искусство, — отрезал я, чувствуя, как закипаю. — Ева, в восемь. Не опаздывай.

Я развернулся и ушел, кожей чувствуя её возмущенный взгляд. Я вел себя как последний придурок, я знал это. Но мысль о том, что она будет обсуждать «геометрию страсти» с этим парнем в пальто, выводила меня из себя.

«Запрещенный прием, Райан? Нет, это уже похоже на игру без правил», — подумал я, выходя на парковку.

Глава 5

Ева

В восемь вечера я и не думала идти в библиотеку. Гринвуд привык, что мир крутится вокруг его расписания, но я не собиралась становиться еще одной планетой в его системе. Вместо этого я решила задержаться в танцевальном зале, чтобы отработать резкие переходы в новой связке.

Я уже заканчивала тренировку и собирала вещи, когда дверь зала со скрипом открылась. На пороге стояла девушка. Блондинка, идеально уложенные локоны, густой слой макияжа и взгляд, в котором читалось нечто среднее между фанатизмом и безумием. На её запястье я заметила браслет с номером «16» — игровым номером Райана.

— Ты Ева, да? — Её голос был тонким и дрожащим от едва сдерживаемой ярости. — Та самая «хореографка», которая решила, что ей всё дозволено?

Я спокойно застегнула сумку.

— Дозволено что? Работать? Да, я здесь именно для этого.

— Не прикидывайся идиоткой! — Она шагнула в зал, и я увидела в её руке распечатку из деканата. — Я видела списки. Ты в паре с Райаном по проекту. И я видела, как он смотрел на тебя в кафе. Ты думаешь, ты особенная? Думаешь, он посмотрит на танцовщицу, когда у него есть я?

Я невольно усмехнулась. Рассудительность всегда была моим щитом, и сейчас она работала на полную мощность.

— Послушай, как тебя там... Сара? Клэр? Мне абсолютно всё равно, на кого смотрит твой Гринвуд. Для меня он — просто напарник по проекту, притом довольно наглый и шумный. Если он тебе так нужен — заведи его себе, упакуй в подарочную бумагу и не давай ему ко мне подходить. Я буду тебе только благодарна.

— Лжешь! — Она почти сорвалась на крик. — Ты сейчас должна была быть в библиотеке. Я знаю, что он тебя там ждет. Но ты туда не пойдешь. Если я еще раз увижу тебя рядом с ним, я устрою так, что твоя «социальная практика» закончится, не успев начаться. Ты здесь никто, Новак.

Она развернулась и выскочила из зала, громко хлопнув дверью. Я осталась стоять в тишине.

«Боже, Гринвуд, ну и шлейф ты за собой тащишь», — подумала я. Весь этот цирк вокруг него вызывал у меня только брезгливость. Он не был парнем в моем вкусе. Мне нужны были глубина и интеллект, как у Адриана, а не эта толпа безумных девиц и раздутое эго капитана.

Я решила пойти домой длинным путем, в обход библиотеки. Гринвуд пусть ждет. Это пойдет ему на пользу.

Райан

Прошло сорок минут. Библиотека Сент-Джуд была наполнена тихим шелестом страниц и шепотом, но для меня здесь было оглушительно тихо. Потому что Евы не было.

Я проверил телефон в десятый раз. Ни одного сообщения. Никаких «я опаздываю» или «я не приду». Просто игнор. Полный и абсолютный.

— Эй, Кэп, — Маркус подсел ко мне, заметив моё лицо. — Твоя принцесса тебя кинула?

— Закрой рот, Марк, — прошипел я, чувствуя, как внутри закипает смесь ярости и... обиды? Нет, Райан Гринвуд не обижается. Он злится.

Я уже собирался уходить, когда увидел у входа одну из своих самых преданных (и пугающих) фанаток — Синди. Она всегда крутилась где-то рядом, караулила у раздевалок, но сегодня её лицо сияло от какого-то странного торжества. Она помахала мне рукой, но я лишь отвернулся.

Я вышел из библиотеки и направился к её общежитию. Я не мог это так оставить. Никто не заставляет меня ждать сорок минут, а потом просто исчезает.

Я увидел её у входа в корпус искусств. Она шла медленно, в наушниках, глядя перед собой. Она выглядела такой спокойной, такой отстраненной, что это бесило больше всего. Она даже не думала о нашей встрече.

Я преградил ей путь.

— Ты забыла дорогу в библиотеку или у тебя проблемы с часами, Ева?

Она медленно сняла наушники и посмотрела на меня. В её глазах не было вины. Только усталость и легкое раздражение.

— Я никуда не забывала дорогу, Райан. Я просто решила не приходить.

— Ты решила не приходить? — Я сделал шаг вперед, нависая над ней. — Мы договорились. Это проект, от которого зависит моя оценка.

— Это проект, который ты навязал мне своим «запрещенным приемом», — отрезала она. — И кстати, Гринвуд, разберись со своим «фан-клубом». Твоя одержимая подружка только что угрожала мне в танцевальном зале, требуя, чтобы я к тебе не приближалась. Считай, что я пошла ей навстречу.

Она попыталась обойти меня, но я схватил её за локоть. Не больно, но крепко.

— Кто тебе угрожал?

— Мне плевать, как её зовут, — Ева вырвала руку. — Райан, пойми одну простую вещь: ты мне не интересен. Ни как капитан, ни как парень, ни как герой чьих-то снов. Ты для меня — головная боль. Поэтому проект мы будем делать дистанционно. И не смей больше караулить меня.

Она зашла внутрь, и тяжелая дверь закрылась перед моим носом. Я стоял на крыльце, чувствуя, как холодный ветер хлещет по лицу.

«Ты мне не интересен». Эти слова ударили сильнее, чем шайба в грудь на полной скорости. Я привык бороться за победу, когда противник сопротивляется. Но как бороться с тем, кто вообще не считает тебя участником игры?

Глава 6

Райан

Я стоял перед закрытой дверью общежития, и в ушах до сих пор звенело её «ты мне не интересен». Это было не просто холодное равнодушие — это был приговор моему эго. Кулаки сжимались сами собой, а внутри клочкотала такая ярость, что, казалось, я мог бы сейчас в одиночку снести всю эту чертову стену.

— Ну что, Кэп? Снова «сухой счет» не в твою пользу? — Маркус подошел сзади, не скрывая ехидной ухмылки. За ним маячили Тайлер и Зак.

Я медленно обернулся. В моем взгляде было столько тьмы, что Маркус тут же стер улыбку с лица.

— Послушай, Райан, — Тайлер сделал шаг вперед, его голос звучал непривычно серьезно. — Мы тебя не узнаем. Ты капитан «Святых». Через две недели скауты НХЛ будут сидеть на трибунах, а ты тратишь время на девчонку, которая тебя открыто посылает. Да брось ты её! Завтра на вечеринке в честь открытия сезона будет сотня тех, кто мечтает оказаться в твоей постели. Зачем тебе эта головная боль?

— Вы не понимаете, — прорычал я, садясь во внедорожник и с силой хлопая дверью.

Они действительно не понимали. Для них это был вопрос секса или престижа. Для меня это стало вопросом выживания. Если я сейчас отступлю, я буду видеть её лицо в каждом своем поражении. Она бросила мне вызов, даже не осознавая этого. Своей рассудительностью, своей чистотой, своим этим «дистанционным проектом».

— Держись крепче, Ева, — прошептал я, глядя в зеркало заднего вида на окна её корпуса. — Ты думаешь, что выставила границы? Я привык ломать любую оборону. Хищник выходит на охоту. И на этот раз я не буду играть по правилам.

Я набрал номер Синди — той самой фанатки. Если она думала, что помогает мне, отпугивая Еву, она глубоко ошибалась. И я собирался доходчиво ей это объяснить, а заодно использовать её «одержимость», чтобы точно знать, где и с кем находится мой новый «проект».

Ева

Утро началось с сообщения от Лины: «Ева, ты видела заголовки в студенческом чате? Твоя стычка с Синди вчера в зале уже обросла легендами. Будь осторожна, Гринвуд сегодня в ярости, он на тренировке чуть не разбил заградительное стекло».

Я отложила телефон. Райан и его гнев меня волновали меньше всего. Куда больше меня беспокоило то, что я начала терять свою хваленую концентрацию.

В коридоре факультета архитектуры было тихо и пахло свежей бумагой и чертежной тушью. Адриан ждал меня у входа в свою мастерскую.

— Ты выглядишь бледной, Ева, — он мягко коснулся моей руки, и это прикосновение было таким контрастным по сравнению с грубым захватом Райана вчера. — Надеюсь, вчерашний инцидент с «поклонницами хоккея» тебя не сильно расстроил? Лина мне всё рассказала.

— Всё в порядке, Адриан. Просто издержки пребывания в одном пространстве с «ледяным королем», — я попыталась улыбнуться.

— Тогда у меня есть предложение, от которого нельзя отказываться. Завтра в городском музее открывается закрытая выставка «Динамика форм». Там будут эскизы Захи Хадид и инсталляции, которые реагируют на движение. Это именно то, что нам нужно для нашего проекта театра. Пойдешь со мной?

Я посмотрела в его спокойные, понимающие глаза. Это было именно то, что мне нужно — нормальное общество, искусство и полное отсутствие клюшек, шайб и тестостерона.

— С удовольствием, Адриан.

Мы вышли из корпуса, продолжая обсуждать выставку, как вдруг я кожей почувствовала чужой взгляд. У входа, прислонившись к железным перилам, стоял Райан. Он не кричал, не подходил ближе. Он просто стоял и смотрел, как Адриан открывает передо мной дверь машины.

Его взгляд был тяжелым, хищным. В нем не было вчерашней вспыльчивости — только холодный расчет. Он не сводил с нас глаз, и в этом молчании угрозы было больше, чем в любых словах.

— Ева? — Адриан заметил мою заминку. — Всё хорошо?

— Да, — я села в машину, не оборачиваясь. — Поехали.

Но внутри меня всё равно что-то дрогнуло. Я поняла: Райан Гринвуд не собирается сдаваться. Он не просто хочет сдать проект. Он хочет уничтожить мой покой.

Глава 7

Ева

Выставка в городском музее была глотком свежего воздуха. Адриан был идеальным спутником: он не перебивал, не пытался доминировать в разговоре и, казалось, понимал каждое мое замечание о том, как свет ложится на инсталляции.

— Видишь эту конструкцию? — Адриан указал на парящие стальные нити. — Если добавить сюда твою хореографию, линии оживут. Тело станет частью архитектуры.

Я замороженно смотрела на игру теней. В этот момент я чувствовала себя на своем месте. Никакого льда, никакой агрессии, никакой Синди с её фанатичными глазами.

— Знаешь, Адриан, я почти забыла, что в этом городе есть что-то, кроме хоккейной арены, — искренне призналась я.

— Я рад, что смог тебе это напомнить. После выставки зайдем в «Лавандовый сад»? Там подают лучший чай с миндалем, о котором ты так...

Адриан не договорил. Двери выставочного зала с тяжелым стуком распахнулись, нарушая музейную тишину. По залу пронесся шепот. Я обернулась и почувствовала, как сердце пропустило удар.

Райан.

Он не был в спортивном костюме или джерси. На нем было черное пальто поверх серого кашемирового свитера — он выглядел пугающе элегантно и при этом абсолютно чужеродно среди чертежей и хрупких макетов. Его присутствие заполнило собой всё пространство, вытесняя спокойствие.

— Гринвуд? — Адриан нахмурился, делая шаг вперед и слегка заслоняя меня собой. — Что ты здесь делаешь? Это закрытое мероприятие.

— Я здесь ради искусства, Адриан, — Райан подошел вплотную, игнорируя парня и глядя только на меня. Его глаза были темными, как грозовое небо. — Разве я не говорил, что наш проект — это связь спорта и культуры? Я решил прийти за вдохновением.

Он встал прямо между нами, бесцеремонно разрывая наш контакт.

— Ева, я прочитал твои заметки по первой части проекта. Слишком сухо. Нам нужно обсудить «эмоциональный отклик». И раз уж ты здесь... — он кивнул на инсталляцию, — покажи мне, где здесь «геометрия страсти», о которой так соловьем заливался твой друг.

Это был вызов. Он пришел сюда не за знаниями. Он пришел, чтобы пометить территорию.

Райан

Видеть её рядом с этим «карандашным гением» было пыткой. Когда Адриан коснулся её локтя, направляя к следующему экспонату, я едва не сорвался. Но я обещал себе быть умнее.

— Ты ведешь себя как ребенок, Райан, — холодно бросила Ева, скрестив руки на груди. — Ты преследуешь меня. Это уже не смешно.

— Я не преследую. Я учусь, — я сократил дистанцию так, чтобы она почувствовала мой парфюм. — Ты сама сказала: я не смыслю в искусстве. Вот я и пришел к лучшему учителю. Или ты боишься, что я усвою урок слишком быстро?

Адриан попытался вмешаться:

— Гринвуд, уходи. Ты портишь вечер.

Я медленно повернулся к нему. Я был на голову выше и вдвое шире в плечах, но сейчас я не собирался использовать силу. Только психологическое давление.

— Порчу вечер? Напротив. Я делаю его интереснее. Ева, ты ведь сама любишь риск в танце? Так вот, работа со мной — это самый большой риск в твоей академической жизни.

Я заметил, как её ноздри слегка расширились. Она злилась, но в этой злости была искра интереса, которую она так тщательно пыталась подавить.

— Хорошо, — Ева посмотрела на Адриана, затем снова на меня. — Раз уж ты так жаждешь «искусства», Гринвуд, давай проверим твою выносливость. Завтра в шесть утра. В моем зале. Если опоздаешь хоть на минуту — проект закрыт, я иду к декану и требую смены напарника из-за твоей неадекватности.

Я хищно улыбнулся.

— Шесть утра? Я буду там в пять пятьдесят.

Я развернулся и пошел к выходу, чувствуя на своей спине её обжигающий взгляд. Друзья в раздевалке думали, что я сошел с ума. Но они не видели того, что видел я: Ева Новак начала защищаться. А это значит, что мой удар достиг цели.

Лина

Я сидела в углу того же музея, скрытая за огромной колонной. Мой диктофон был включен, а блокнот исписан мелкими пометками. Я пришла сюда по просьбе Адриана, чтобы «присмотреть» за ними, но увиденное превзошло все ожидания.

Гринвуд не просто одержим. Он ведет игру, которую сам не до конца понимает.

Но было кое-что еще. Пока Райан и Ева спорили, я заметила в толпе Синди. Она не заходила внутрь, она стояла за стеклянными дверями музея, снимая происходящее на телефон. Её лицо в свете уличных фонарей выглядело пугающе.

Я быстро набрала сообщение Еве:

«Ева, дело принимает скверный оборот. Синди следит за вами. И, кажется, она не одна. У неё в чате «Фанаток Гринвуда» уже всю обсуждают твоё платье и то, как близко Райан к тебе стоял. Будь осторожна на завтрашней тренировке. Стены в этой академии имеют не только уши, но и когти».

Я видела, как Ева прочитала сообщение и на мгновение замерла. Её пальцы дрогнули. Охота началась, и в этой игре Гринвуд был не единственным охотником.

Глава 8

Райан

Шесть утра — это время для тех, кто либо чертовски любит побеждать, либо окончательно сошел с ума. Судя по тому, что я стою у дверей танцевального зала, я подхожу под обе категории.

В коридорах академии еще висела серая, предрассветная тишина, но из-за дверей зала уже доносился бас. Не просто музыка — тяжелый, вибрирующий ритм, который пробивал грудную клетку насквозь. Я толкнул дверь, ожидая увидеть сонную девчонку с пучком на голове.

Я ошибся. Снова.

Ева была в центре. Она не просто танцевала — она выжимала из этого зала всё электричество. На ней были широкие спортивные брюки, сползающие на бедра, и короткий топ, промокший от пота.

— На пять минут раньше, Гринвуд. Впечатляет, — бросила она, даже не взглянув на меня.

Она сделала резкий выпад, рука замерла в воздухе в какой-то изломанной, но чертовски изящной позе. Вог. Это выглядело как кадр из дорогого глянца, высокомерно и остро. Но через секунду музыка взорвалась агрессивным трапом, и она буквально рухнула в низкий кач хип-хопа. Каждое её движение было ударом: точным, жестким, мужским по силе, но женским по грации.

А потом ритм замедлился. Стал липким, тягучим, как густой мед. Ева медленно, позвонок за позвонком, опустилась на пол. Стрип-пластика.

Я почувствовал, как воздух в легких стал слишком горячим. Она выгибала спину, вела ладонью по линии бедра с таким отсутствующим, почти трансовым выражением лица, что у меня потемнело в глазах. Это не было танцем для кого-то. Она наслаждалась своей властью над собственным телом.

— Смотри внимательно, капитан, — она наконец подняла на меня взгляд через зеркало. Её глаза блестели от азарта. — Это — концепция. Ваши фанатки привыкли махать помпонами. Мои девочки будут ломать волю. Они будут танцевать так, что ваши нападающие забудут, где находятся ворота.

Я подошел ближе, стараясь, чтобы мой шаг был уверенным, хотя внутри всё дрожало от этой бешеной смеси адреналина и желания.

— Ты хочешь превратить стадион в стриптиз-клуб? — я попытался выдавить привычную насмешку, но голос подвел, прозвучав слишком хрипло.

Ева резко выпрямилась и подошла ко мне вплотную. От неё пахло жарким залом, ванилью и вызовом.

— Я хочу превратить его в место, где мужчины понимают, что они не единственные, кто умеет доминировать. Если ты боишься, что не выдержишь накала... дверь там же, где и была.

Она стояла так близко, что я видел капельку пота, бегущую по её шее. Моя рука сама дернулась, чтобы коснуться её, но я сжал кулак.

— Я не боюсь, Ева, — я наклонился к её уху, перекрывая гул басов. — Но ты играешь с огнем на ледяной арене. Рано или поздно кто-то из нас провалится под лед. И я ставлю на то, что это будешь ты.

Она лишь дерзко улыбнулась и сделала музыку еще громче.

«Держись крепче, Райан», — пронеслось у меня в голове. Я пришел сюда, чтобы охотиться на неё. Но, глядя на то, как она снова растворяется в этом безумном ритме, я понял: это она заманила меня в клетку. И мне, черт возьми, это начинало нравиться.

Через час я вышел из зала, чувствуя себя так, будто отыграл три периода в финале кубка. Друзья ждали меня у входа, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну что, Кэп? Снова провал? — Маркус окинул меня взглядом.

Я ничего не ответил. Я просто прошел мимо, чувствуя, как в кармане обжигает кожу визитка Адриана, которую я все-таки «позаимствовал» вчера. Моя игра только начиналась. И если Ева думает, что её танцы — это единственный способ доминировать, то она еще плохо знает Гринвуда.

— Мы меняем план, — бросил я парням, не оборачиваясь. — С сегодняшнего дня мы не просто хоккеисты. Мы — главные зрители в её шоу. И я хочу, чтобы она чувствовала мой взгляд на каждой чертовой репетиции.

Хищник не просто вышел на охоту. Он научился ждать. И это было самое опасное для нас обоих.

Глава 9

Райан

Тренировка на льду прошла как в тумане. Я впечатал Маркуса в борт с такой силой, что у того искры из глаз посыпались.

— Эй, Кэп, полегче! — прохрипел он, отряхиваясь от ледяной крошки. — Если ты так хочешь кого-то приложить, вызови на бой того архитектора.

Я проигнорировал его. В голове пульсировала только одна мысль: Ева сейчас в зале. И, скорее всего, этот «карандашный гений» Адриан ошивается где-то неподалеку, делая свои дурацкие наброски её «геометрии».

После душа я не поехал домой. Вместо этого я направился к корпусу искусств. В кармане куртки лежала визитка Адриана, которую я демонстративно смял и выбросил в мусорный бак прямо перед входом.

Я нашел её в холле. Она стояла у окна с Линой, и они что-то бурно обсуждали, глядя в экран планшета.

— О, посмотрите-ка, кто пришел, — Лина поправила очки, окинув меня взглядом, полным сарказма. — Главный экспонат выставки достижений тестостерона. Ты не по адресу, Гринвуд, библиотека в другом крыле.

— Я к Еве, — отрезал я, не сводя глаз с Новак.

Ева медленно подняла голову. На ней была объемная толстовка, скрывающая ту самую сексуальность, которую она демонстрировала утром, но я-то знал, что скрыто под этой тканью. И это знание обжигало.

— Мы всё обсудили утром, Райан, — спокойно сказала она. — Проект движется, я скинула тебе структуру первой главы. Что еще?

— Нам нужно обсудить музыку для выступления, — соврал я на ходу. — Та «грязная» подборка, под которую ты танцевала... Тренер сказал, что она слишком вызывающая для официального матча. Нужно найти компромисс.

Ева прищурилась. Она знала, что я лгу. Тренеру было плевать на музыку, пока трибуны ревут.

— Компромисс? — она сделала шаг ко мне, и Лина тактично (или просто чтобы не попасть под раздачу) отступила на пару шагов. — Ты хочешь сказать, что капитан самой агрессивной команды в лиге боится «вызывающей» музыки? Или ты просто боишься, что на фоне этого танца твои парни будут выглядеть как неповоротливые медведи?

— Я ничего не боюсь, Ева. Но я не хочу, чтобы на трибунах начались беспорядки из-за того, что ты решила устроить стрип-шоу на льду.

— Это не стриптиз, это искусство владения телом, — её голос стал тише и опаснее. — Но я поняла. Ты хочешь контроля. Ты хочешь, чтобы всё было по твоим правилам. Так вот, Гринвуд: на льду ты бог, но в этом зале богиня — я. И если ты хочешь что-то менять, тебе придется доказать, что ты хоть немного понимаешь в том, что я делаю.

Я усмехнулся, сокращая расстояние до минимума.

— Хочешь пари, Новак? Если я смогу выучить твою «невозможную» связку из хип-хоп части и исполнить её без ошибок — музыку выбираю я. Если нет — ты делаешь всё, что хочешь, и я больше не задаю вопросов.

Ева замерла. Я видел, как в её глазах борется рассудительность и азарт. Она была уверена, что я провалюсь. Что хоккеист со старыми травмами и «дубовыми» мышцами не сможет повторить её ломаную пластику.

— Ты серьезно? — она едва не рассмеялась. — Райан, ты упадешь на втором такте.

— Проверим? — я протянул ей руку. — Прямо сейчас. В зале никого нет. Только ты и я.

Она посмотрела на мою ладонь, затем на меня. В этот момент между нами проскочил разряд, который был сильнее любого физического влечения. Это был чистый вызов.

— Идет, — она вложила свою маленькую ладонь в мою. Её кожа была прохладной, но прикосновение отозвалось жаром во всем теле. — Пойдем, Гринвуд. Я с удовольствием посмотрю, как ты будешь позориться.

Ева

Я вела его в зал, и внутри меня всё ликовало. Я собиралась не просто выиграть это пари, я собиралась окончательно поставить его на место. Райан Гринвуд думает, что он хищник? Что ж, я покажу ему, что бывает, когда охотник попадает в капкан собственного высокомерия.

Мы зашли в зал. Я включила тот самый тяжелый трек.

— Итак, капитан. Смотри внимательно. Повторять не буду.

Я начала показывать связку: резкий кик, разворот на пятках, изоляция грудной клетки и быстрый уход вниз в «кошачью» проходку по полу. Это было сложно, технично и требовало идеального баланса.

Я закончила и обернулась к нему, ожидая увидеть замешательство.

Но Райан стоял, медленно снимая куртку. Под ней оказалась простая черная майка, подчеркивающая каждый мускул. Он выглядел... сосредоточенным. По-настоящему. Так, как он выглядит перед решающим вбрасыванием.

— Неплохо, — бросил он, разминая шею. — А теперь смотри, как это делает тот, кто привык бороться за каждый сантиметр пространства.

Он встал в позицию. И когда музыка ударила первым битом, я забыла, как дышать.

Он не был изящным. В его движениях не было моей текучести. Но в них была первобытная, звериная мощь. Он адаптировал хип-хоп под свою физику: прыжки были выше, удары руками — резче. Когда он ушел вниз, его мышцы на руках напряглись так, что стали видны вены. Это было грубо, сексуально и невероятно технично для человека, который никогда не занимался танцами.

Он закончил ровно в бит, остановившись в нескольких сантиметрах от меня. Его дыхание было тяжелым, от него исходил жар, и этот запах... льда и пота... он кружил голову.

— Ну что, тренер? — прохрипел он, глядя мне прямо в глаза. — Похоже, музыку выбираю я.

Я молчала. Я не могла признать поражение, потому что в этот момент я поняла нечто ужасное. Я не просто его ненавидела. Я была им восхищена. И это безразличие, которым я так гордилась, начало осыпаться, как старая штукатурка.

— Ты... ты схитрил, — выдавила я, пытаюсь обрести голос. — Ты упростил переходы.

— Нет, Ева. Я просто сделал их по-своему, — он сделал еще шаг, прижимая меня к зеркалу. — Признай это. Ты проиграла. И теперь ты будешь слушать меня.

В этот момент дверь зала открылась. На пороге стояла Синди. Её лицо, и без того бледное, стало мертвенно-белым, когда она увидела нас — прижатых друг к другу в пустом зале, тяжело дышащих и охваченных этим странным, пугающим напряжением.

— Райан? — её голос сорвался на писк. — Что... что здесь происходит?!

Напряжение в зале можно было резать ножом. Райан медленно отстранился от Евы, но не отошел далеко, продолжая удерживать её в пространстве между собой и зеркалом. Его взгляд, брошенный на Синди, был холодным и пронзительным.

— Синди, ты разве не видела табличку «Идет репетиция»? — мой голос прозвучал спокойнее, чем я ожидал, учитывая, как бешено колотилось сердце после танца. — Мы с Новак обсуждаем условия нашего проекта.

— Условия?! — Синди шагнула в зал, и я услышал, как пакет в её руках зашуршал от того, как сильно она его сжала. — Ты прижал её к стеклу! Ты смотрел на неё так, будто... будто она единственная в этом здании! Райан, я ждала тебя у выхода сорок минут, а ты здесь, с ней?

Я наконец полностью развернулся к Синди, закрывая собой Еву. Это вышло инстинктивно, как на льду, когда защищаешь своего вратаря.

— Я не просил тебя ждать, Синди. И я не обязан отчитываться, как провожу время по учебе. Уходи.

— Ты защищаешь её? — Глаза Синди наполнились слезами, которые вот-вот готовы были превратиться в истерику. Она перевела взгляд на Еву, и в нем вспыхнула такая ярость, что мне стало не по себе. — Ты, дешевая танцовщица! Думаешь, пара движений бедрами сделают тебя королевой Сент-Джуд? Ты для него — просто развлечение на один вечер. Он тебя раздавит и не заметит!

— Синди, замолчи, — мой голос стал тихим и опасным. — И выйди вон. Сейчас же.

Она всхлипнула, бросила свой пакет на пол и выбежала, едва не споткнувшись в дверях. Тишина, наступившая после её ухода, была еще более тяжелой.

Ева

Я стояла, прислонившись спиной к холодному зеркалу, и пыталась унять дрожь в коленях. Не от страха перед Синди, а от того электричества, которое до сих пор искрило между мной и Гринвудом.

— Поздравляю, Гринвуд, — выдохнула я, поправляя волосы. — Твой «фан-клуб» официально открыл на меня сезон охоты. Ты доволен? Это и был твой план — сделать мою жизнь невыносимой?

Райан обернулся ко мне. Его лицо снова стало непроницаемым, но в глубине глаз всё еще горел тот азарт, который я увидела во время танца.

— Мой план был выиграть пари. И я это сделал.

Он подошел ближе, нависая надо мной, но на этот раз не касаясь.

— Теперь условия. Раз уж ты считаешь меня «простым качком», я дам тебе шанс доказать свою универсальность. У тебя есть выбор, Новак. Либо я полностью меняю музыку для твоего шоу на ту, что выберу сам... либо завтра в восемь вечера ты встаешь на коньки.

Я замерла, не веря своим ушам.

— Что?

— Ты выходишь со мной на лед, — Райан хищно улыбнулся. — Один час. Только ты, я и пустая арена. Если ты продержишься час и не сбежишь — музыка остается твоя. Если нет... готовься танцевать под мой плейлист.

Я смотрела на него и понимала: он бьет по самому больному. Лед для меня был территорией хаоса, местом, где я не контролирую ни свои стопы, ни гравитацию.

— Ты хочешь посмеяться над тем, как я буду падать? — я вскинула подбородок.

— Я хочу посмотреть, чего ты стоишь, когда под ногами не устойчивый пол, а скользкая бездна. Ну так что, Ева? Твоя гордость или твоя музыка?

Я посмотрела на дверь, за которой скрылась Синди, затем на Райана. Я понимала, что это ловушка. Но признать поражение сейчас означало сдаться навсегда.

— Восемь вечера, Гринвуд. И не надейся, что я буду держаться за твой бортик.

Глава 10

Ева

Запах хладагента и застоявшегося холода ударил в нос, как только мы ступили на пустую арену. Свет был приглушен — горели только дежурные лампы, заливая лед призрачным синим сиянием. Райан бросил на скамью пару коньков.

— Твой размер. Проверил дважды, — он бросил на меня короткий взгляд, в котором читалось предвкушение моего позора.

Я молча села и начала шнуроваться. Руки помнили этот ритуал до боли в суставах. До четырнадцати лет коньки были моей кожей. Парное катание — это когда ты доверяешь свою жизнь чужим рукам. Мой партнер, Макс, уехал в Канаду, и мир рухнул. Полгода я смотрела, как тренеры приводят «замены» — тяжелых, неповоротливых парней, которые не чувствовали моего ритма. В итоге я сожгла мосты и ушла в танцы, поклявшись больше никогда не зависеть от чужих рук.

Я вышла на лед первой. Лезвие коснулось поверхности с тихим, хищным хрустом. Я сделала толчок, второй... и пространство вокруг перестало существовать.

Я забыла про Райана. Я забыла про пари. Я просто летела. Резкий разворот, переход в ласточку, а затем — то, чего я не делала годами: каскад прыжков. Ветер свистел в ушах, выметая из головы всю злость и страх. Я была дома.

Райан

Я застыл у бортика, забыв, как дышать.

То, что вытворяла Новак, не было «попыткой выстоять час». Это была магия. Она двигалась по льду так, будто гравитация на неё не действовала. Танцевальная пластика, которую она вплела в классическое катание, выглядела запредельно сексуально и агрессивно. Она не просто каталась — она подчиняла себе этот чертов лед.

Я выехал на середину, перерезая ей путь. Она резко затормозила, подняв фонтан ледяной крошки, которая осела на моих джинсах. Её грудь часто вздымалась, глаза сияли, а губы были полуоткрыты. Она выглядела живой. По-настоящему живой.

— Парное катание, — утвердительно сказал я, глядя в её расширившиеся зрачки. — Ты не просто танцовщица, Ева. Ты — брошенная прима.

— Заткнись, Гринвуд, — выдохнула она, пытаясь объехать меня, но я перехватил её за талию.

Её тело под моими ладонями было горячим, несмотря на холод арены. Я почувствовал, как она вздрогнула, но не оттолкнула меня. Это было то самое «пугающее напряжение», которое преследовало нас в зале, но усиленное в стократ тишиной пустого стадиона.

Я притянул её ближе, чувствуя, как её коньки упираются в мои. Мои руки скользнули выше по её спине, сминая ткань куртки, а затем зарылись в распущенные волосы. Ева закинула голову назад, глядя на меня с вызовом, в котором читалось отчаяние.

— Ты выиграл пари, Райан, — прошептала она почти в мои губы. — Чего ты еще хочешь?

— Тебя, — выдохнул я, окончательно теряя контроль.

Я зажал её между собой и невидимой стеной этого момента. Мои губы были в миллиметре от её, я чувствовал её прерывистое дыхание, запах льда и её кожи. Я хотел этого поцелуя так сильно, что внизу живота всё стянуло узлом. Это было не просто влечение — это была жажда обладать этой непокорной силой.

Я почти коснулся её губ, когда увидел в её глазах не страх, а... ожидание. Она была готова сдаться. И именно это меня остановило.

Я замер. Мое сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Если я поцелую её сейчас, это будет поцелуй побежденного победителем. А я хотел, чтобы она пришла ко мне сама. Без пари. Без долгов.

Я медленно отстранился, всё еще удерживая её за плечи. Мои пальцы дрожали.

— Час еще не прошел, Новак, — хрипло сказал я, отступая на шаг. — Но я признаю: на льду ты так же опасна, как и в зале. Музыка остается твоя.

Я развернулся и поехал к выходу, не оглядываясь. Я чувствовал её взгляд на своей спине. Охота не закончилась. Она только что перешла на новый, гораздо более глубокий уровень.

Глава 11

Ева

Шум аплодисментов или фальшивый треск затихающего динамика — неважно, чем заканчивалась репетиция: как только музыка замолкала, в зале наступала звенящая тишина. И в этой тишине, словно назойливая старая киноплёнка, против воли снова и снова прокручивались кадры той ночи на льду.

Тяжелое, горячее дыхание Райана. Его руки, слишком уверенно сжавшие мою талию. И этот несостоявшийся поцелуй, который повис в воздухе, оставив после себя лишь гулкую пустоту и кучу вопросов без ответов.

Я мысленно давала себе сокрушительный подзатыльник. Какая глупость! Я сама позволила ему заглянуть себе под броню, увидеть мою уязвимость и узнать про проклятое прошлое в парном катании. Теперь Райан Гринвуд знал мое «слабое место», и эта мысль бесила куда сильнее, чем само поражение в пари. Единственным утешением оставалось то, что трек мне удалось отстоять.

— Еще раз! С пятой позиции! Собрались, не спать! — рывкнула я, смахивая тыльной стороной ладони липкий пот со лба.

Плечи горели, ноги наливались свинцом, но мне нужно было выбить эту дурь из головы кинетической энергией.

Музыка загремела снова, но уже через пару секунд репетиционный зал прорезал резкий, почти ультразвуковой вскрик. Звук оборвался — кто-то в панике ткнул на паузу.

Майя — одна из моих лучших, самых пластичных танцовщиц — уже скорчилась на глянцеvom паркете, судорожно прижимая согнутое колено к груди. Ее лицо мгновенно побледнело. Она просто не рассчитала амплитуду при резком, рваном переходе из жесткого, агрессивного хип-хопа в глубокий, затяжной прогиб стрип-пластики. Сустав не выдержал.

Спортивный доктор академии, прибывший через пять минут, вынес вердикт с привычной врачебной сухостью — быстро и безжалостно:

— Растяжение связок. Причем серьезное. Минимум две недели абсолютного покоя. Никаких танцев, Майя. Даже не думай вставать на эту ногу.

Майя тихо завывала, закрыв лицо руками. А я стояла чуть в отдалении, скрестив руки на груди, и чувствовала, как во мне закипает глухая, разрушительная ярость. Бешенство от нелепости ситуации мешалось с липким отчаянием. Замены нет. Резерв пуст. Переделывать рисунок танца, ломать геометрию за два дня до выхода на лед — это не просто риск, это чистое самоубийство. Весь синхрон, на котором дерзко строилась вся концепция «Кобры», только что рассыпался перед моими ногами как карточный домик от легкого сквозняка.

— Ева, что нам делать? — Лили подошла ко мне практически вплотную, ее голос дрожал от нескрываемой тревоги. — Мы не можем выступать впятером, ты же понимаешь? Симметрия просто пропадет, дыра в центре будет резать глаз.

Я молчала. Мой взгляд был прикован к пустой, сиротливой позиции в самом центре зала.

Вдруг кожа на затылке покрылась мурашками. Я ощутила физическое прикосновение чужого, слишком тяжелого взгляда. Медленно, не меняя позы, я повернула голову и подняла глаза на балкон, возвышавшийся над тренировочным залом.

Там стоял Райан. Вся хоккейная команда, видимо, только что закончив свою тяжелую тренировку на основном льду, притащилась «понаблюдать» за девчонками. Гринвуд возвышался над перилами, опершись на них широкими плечами. На его лице не было привычной ядовитой насмешки или вальяжного превосходства — только пристальный, въедливый, изучающий интерес. Он ждал, как я сломаюсь. Он смотрел, как рушится мой мир.

Внутри меня будто шелкнул тумблер. Отчаянный страх сгорел, уступив место чистой, концентрированной гордыне.

— Выступить буду я, — чеканно, вычерчивая каждое слово, произнесла я. Мой голос прозвучал в затихшем зале как выстрел. И я не свела глаз с Райана ни на миллисекунду.

Зал синхронно ахнул. Девчонки переглянулись в полном шоке. Я никогда не планировала выходить на лед в качестве исполнительницы в этом проекте — я была мозгом, холодным стратегом и режиссером, который дергает за нити из тени. Но сейчас у меня не оставили выбора.

— Ева, ты серьезно?! — Майя, которую уже усадили на скамью и приложили хладагент к колену, виновато и испуганно уставилась на меня. — Но ты же должна контролировать весь процесс со стороны! Кто будет следить за светом, за рисунком?

— Со стороны я буду контролировать вас своим присутствием внутри, — отрезала я, наконец оторвав взгляд от балкона и переведя его на команду. Мой голос звучал как сталь. — Если я выйду на лед сама, уровень сложности программы возрастет вдвое. Мы добавим ту самую жесткую связку из вога, которую вы так боялись делать и вычеркнули из черновиков. Раз я в деле — пощады от меня не ждите. Включайте трек. Сначала!

Райан

Видеть её в бешенстве было отдельным удовольствием. Но когда Майя упала, я почувствовал, как внутри что-то екнуло. Я знал, сколько сил Новак вложила в этот проект.

Когда она объявила, что сама выйдет на лед, Маркус рядом со мной присвистнул:

— Черт, Кэп, кажется, матч будет только фоном. Если она выдаст то же самое, что ты описывал после вашей «секретной тренировки», трибуны сойдут с ума.

Я не ответил. Я смотрел, как Ева скидывает олимпийку, оставаясь в одном спортивном топе. Она встала в центр, и её движения приобрели новую, личную ярость. Она больше не просто учила — она проживала этот танец.

Я понимал одно: её выход на лед — это вызов мне. Она хочет показать, что ей не нужна поддержка, не нужен партнер, и уж тем более ей не нужен Райан Гринвуд.

Но глядя на то, как она выгибается в волне, заставляя своих девочек следовать за каждым микродвижением её тела, я понял: этот матч станет либо нашим общим триумфом, либо самым громким скандалом в истории Сент-Джуд. Потому что я не собирался просто смотреть на неё с с трибуны.

Глава 12

Ева

Усталость навалилась на меня бетонной плитой, как только я переступила порог комнаты в общежитии. Я чувствовала себя так, будто по мне проехался тот самый ледозаливочный комбайн, который только что полировал арену Сент-Джуд. Злость клокотала где-то в горле, мешая нормально дышать. Черт бы побрал этот контракт! Ректор нанимала меня как постановщика, как мозг этого шоу, а не как марионетку, которая должна затыкать дыры в составе.

Я не планировала выходить на лед. Совсем.

Но Майя со своим растяжением выбила почву у меня из-под ног. Замены нет, времени на переделки — тоже. И теперь мне, человеку, который привык контролировать всё из режиссерского кресла, придется самой стать мишенью для сотен глаз. Включая его глаза.

Я со стоном рухнула на кровать, даже не потрудившись скинуть кроссовки. Стены общаги давили, а воображение услужливо подсовывало картинки из прошлого: моя старая команда, жесткий современный танец, где мы были единым организмом. Там не было этой мишуры, не было хоккейных фанатов и, самое главное, не было Гринвуда, который теперь знал обо мне слишком много.

Мне нужно было выговориться, иначе я бы просто взорвалась. Достав телефон, я набрала Лину.

— Приходи немедленно, — выдохнула я, когда она ответила. — Захвати что-нибудь максимально вредное и все сплетни, которые успели родиться в академии за последний час.

Лина появилась через полчаса, нагруженная пакетами из фастфуда и своим вечным энтузиазмом. Она по-хозяйски уселась на край стола, протягивая мне стакан с кофе.

— Видела бы ты себя, Новак, — усмехнулась она. — Ты выглядишь так, будто готова объявить войну всей хоккейной команде.

— Только их капитану, Лин, — я сделала жадный глоток обжигающего напитка. — Он бесит меня до зубного скрежета. Райан думает, что раз я вышла на лед, я играю по его правилам. Но я отвоевала свой трек. Я не позволю превратить мой танец в декорацию для его триумфа.

— Весь кампус только об этом и говорит, — Лина зашуршала пакетом с пончиками. — Синди в ярости. Она уже строчит в анонимных чатах, что ты специально «убрала» Майю, чтобы тереться поближе к Райану.

Я горько усмехнулась. Если бы Синди знала, как сильно я хочу оказаться сейчас где угодно, только не на одной арене с её «золотым мальчиком».

— Пусть пишет что угодно, — отрезала я, чувствуя, как внутри снова разгорается холодная решимость. — Она хочет шоу? Она его получит. Завтра на тренировке я сделаю так, что её обожаемый капитан забудет, как держать клюшку.

Мы проговорили до поздней ночи. Сплетни, смех и жирная еда немного притупили тупую боль в мышцах, но не убрали главное — то странное, пугающее предвкушение, которое проснулось во мне после того, как Райан зажал меня у борта. Я ненавидела этот драйв, который он во мне пробудил, но знала: завтра я выйду на лед и покажу им всем, что такое настоящая «Кобра».

Райан

После тренировки, когда лед был уже изрезан глубокими бороздами, а воздух в раздевалке стал тяжелым от запаха пота и адреналина, Райан остановил парней уже у самого выхода. Его голос, низкий и властный, заставил каждого замолчать.

— Слушайте сюда! — он обвел взглядом свою команду, и в его глазах не было ни капли веселья. — Через два дня домашний матч. Соперники приедут сюда не играть, а выжигать нас,

так что настраивайтесь на мясо. Мы не просто победим — мы их разнесем, чтобы они до конца сезона боялись даже смотреть в сторону нашего стадиона.

Он сделал шаг в центр, сжимая кулаки.

— Играем жестко. Слаженно. Никаких ошибок, никаких «я думал, он даст пас». Только контроль. Мы — единый механизм, а не сборище звезд. И еще одно, — Райан выдержал паузу, его взгляд стал холодным, как лед в ту ночь, когда он прижал Еву к борту. — Я знаю, что вокруг шоу с группой поддержки сейчас много шума. Но мне плевать, кто там будет на льду. Даже если они выйдут туда нагишом — глаза у вас должны быть только на шайбе. Поняли? Никаких взглядов, никаких отвлечений. Мы здесь ради победы, а не ради того, чтобы пускать слюни на девчонок.

Команда дружно ответила гулким «Да, Кэп!», но Райан видел, как некоторые парни переглянулись. Он знал, о чем они думали. Они все видели Еву на льду сегодня. Видели, как она двигалась. Видели, как она сменила Майю. И если он сам с трудом удерживал мысли в узде после того случая у бортика, то ожидать полного безразличия от остальных было наивно.

Но он не собирался признаваться ни им, ни себе в том, что сам был первым, кто не мог отвести от неё глаз.

— Разбежались, — бросил он, первым направляясь к выходу.

Его мысли уже были не в раздевалке. Он думал о том, что Ева сейчас в своей комнате, наверняка злится на весь мир и на него в особенности. И завтра, на репетиции, он собирался сделать так, чтобы эта её злость превратилась в чистое, ослепляющее искусство, от которого у всех в этом гребаном Сент-Джуд перехватит дыхание. Даже если ради этого ему придется вынести её гнев в одиночку.

Глава 13

Ева

Я смотрела на расстеленный поверх льда пластиковый настил. Мои кроссовки с тонкой подошвой давали идеальное сцепление, но я чувствовала себя странно: вокруг меня — холодная бездна льда, а под ногами — узкий островок моей территории.

— Ещё раз! Переход в партер должен быть резким, как удар! — крикнула я девочкам, чувствуя, как пот стекает по спине.

В моей старой команде мы никогда не занимались такой ерундой, как «поддержка» спортсменов. Мы создавали искусство, чистый современный танец, где каждое движение было высказыванием. А здесь я вынуждена доказывать капитану хоккейной команды, что мой танец — это не фон для его игры.

Я чувствовала на себе взгляд Гринвуда. Он стоял на коньках за пределами нашего настила, опершись на клюшку, и наблюдал за тем, как я выгибаюсь в сложном элементе контемпа. Это бесило. Он хозяин льда, а я — хозяйка этого маленького прямоугольника. И я не позволю ему пересечь эту черту.

— Райан, если ты пришел поглазеть, то купи билет на матч, — бросила я, не прерывая связи. — А сейчас не мешай нам работать.

Я намеренно сделала резкий выпад в его сторону, остановившись в сантиметре от края настила. Наши взгляды встретились. Я хотела, чтобы он понял: даже без коньков, на своих двоих, я стою тверже, чем он.

Райан

Я медленно объезжал настил по кругу, слушая, как лезвия моих коньков с хрустом режут лед. Видеть Еву в центре арены, танцующую без коньков, было странно и... чертовски эффектно. Она двигалась с такой земной, первобытной силой, которой не было в классическом фигурном катании. В ней была ярость, которую она пыталась скрыть за техникой.

Я вспомнил вчерашнее собрание раздевалке. Я велел парням не смотреть на девчонок, даже если те будут нагишом. Но глядя на то, как Ева сейчас закидывает голову, демонстрируя линию шеи, я понимал, что сам нарушаю свой же приказ.

— Новак, ты слишком напряжена, — я специально подъехал ближе, так что крошка льда из-под моих коньков полетела на её «островок». — Расслабься. Это всего лишь танцы.

Она замерла, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь, который я так люблю раздувать.

— Для тебя это «всего лишь танцы», Гринвуд. А для меня — единственный способ не сдохнуть от скуки в твоей академии, — она подошла к самому краю, глядя на меня сверху вниз, хотя я был на коньках.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда трибуны начнут орать, — я усмехнулся, сокращая дистанцию. — Контролируй себя, Ева. А то неровен час, забудешь движения, засмотревшись на то, как я забиваю шайбу.

Я видел, как она сжала кулаки. Наше противостояние вышло на новый уровень. Теперь это была битва двух стихий: её земной, горячей грации и моего холодного, режущего льда. И я не собирался уступить ей ни дюйма своего пространства.

Глава 14

Ева

Музыка оборвалась на резкой ноте, и я замерла в финальной позе, чувствуя, как по спине стекает капля пота. Тяжело дыша, я подняла взгляд на трибуны. Там, в первом ряду, сидели те, от чьего мнения сейчас зависела судьба всего проекта: миссис Харрис и главный тренер «Святых».

Миссис Харрис выглядела более чем довольной. Она поправила очки и едва заметно кивнула, на её губах играла одобряющая улыбка.

— Это было впечатляюще, Ева, — произнесла миссис Харрис, и её уверенный голос эхом разнесся по пустой арене. — Я нанимала вас как профессионала с уникальным видением, и то, что вы сами решили выйти на замену Майе, только доказывает вашу преданность делу. Этот танец — именно тот манифест, который нужен Сент-Джуд.

Я коротко кивнула, ценя её поддержку. Но тренер «Святых», сидевший рядом с ней, выглядел так, будто ему предложили заменить шайбу на хрустальную вазу.

— Миссис Харрис, при всем уважении к эстетике, — пробасил он, скрестив руки на груди, — это хоккейный матч. Мои парни привыкли к классической поддержке, а не к этому... жесткому контемпу. Эта постановка будет их отвлекать. Новак превращает лед в свою личную сцену. Мои игроки должны видеть ворота, а не её выпады. Это мешает дисциплине.

Я почувствовала, как во мне закипает ярость. «Мешает»? В моей старой команде за такие слова его бы просто не пустили на порог зала.

Райан

Я лениво объезжал настил, слушая этот спор. Тренер был консерватором до мозга костей, а миссис Харрис всегда ставила на имидж и прогресс. Ева стояла между ними, как натянутая струна, и я видел, как она сжимает кулаки от слов тренера.

— Тренер, вы правы в одном, — я специально подъехал ближе к бортику, прерывая их диалог.

Ева резко обернулась ко мне. Её взгляд буквально кричал: «Только попробуй поддакнуть ему, Гринвуд».

— Мои парни действительно на взводе, — продолжил я, глядя прямо на тренера. — Но если их может отвлечь танец, значит, грош цена их концентрации. Настоящий профи должен забивать, даже если вокруг рушится стадион. Лично мне этот ритм только подстегивает. Это дает правильную, агрессивную злость.

Я перевел взгляд на миссис Харрис и слегка склонил голову в знак уважения к её решению.

— Декан права, это шоу запомнят. А за «Святых» я отвечаю лично. Я прослежу, чтобы их фокус на игре был таким же стальным, как хореография Новак.

Миссис Харрис удовлетворенно кивнула, а тренер лишь что-то недовольно буркнул. Я же посмотрел на Еву. Она не сказала «спасибо», и я этого не ждал. Но в её глазах я увидел то, что мне было нужно — понимание, что в этой битве против шаблонов мы сейчас по одну сторону баррикад.

— Продолжай, Новак, — бросил я, разворачиваясь на коньках. — Раз миссис Харрис довольна, тебе остается только не облажаться на глазах у всей академии.

Глава 15

Ева

Сегодняшний день ощущался как затишье перед ядерным взрывом. Арена была забита до отказа, воздух гудел от фанатских кричалок, и где-то в недрах раздевалок мои девчонки заканчивали последние приготовления. Я стояла в коридоре, поправляя микрофон, когда услышала визгливый смех, от которого у меня свело зубы.

Группа поддержки соперников — «Половников» — всегда была сборищем пластиковых кукол. Они выплыли из-за угла, обвешанные блестками, как елочные украшения. Их капитанша, девица с неестественно белыми зубами, окинула меня презрительным взглядом.

— О, это ты та самая «режиссерша», которая решила, что может танцевать сама? — она демонстративно поправила свои помпоны. — Слышала, ваши «Святые» уже молятся, чтобы вы не опозорили их в перерыве. Может, лучше сразу уйдете? Наш танец — это классика, а у вас... ну, это выглядит как предсмертная судорога.

Девчонки из моей команды за моей спиной возмущенно зашумели. Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. Я не собиралась вступать в базарную перепалку, это было ниже моего достоинства.

— Знаешь, в чем проблема «классики»? — я улыбнулась, и эта улыбка была холоднее, чем лед, на который нам предстояло выйти. — Она всегда предсказуема. А то, что увидите вы сегодня, даже танцем назвать сложно. Это будет разрушение. Так что советую вам стоять подальше от бортика, если не хотите, чтобы вас сдуло нашим напором.

— Ты пугаешь нас своим контемпом? — она рассмеялась, но в её глазах мелькнуло раздражение. — Детка, ты просто балерина, которая случайно зашла не в ту дверь.

— Посмотрим, кто останется в дверях после окончания матча, — отрезала я и жестом приказала своим идти дальше. Мой пульс колотился в горле. Их самоуверенность только разозлила меня сильнее.

Райан

Я стоял у входа на лед, настраиваясь на игру. «Половники» приехали в полном составе, и их капитан уже успел наговорить моим парням кучу дерьма, пытаясь вывести нас из равновесия еще до выхода на арену. Но сегодня это не сработало.

Мое внимание привлек шум в коридоре. Я увидел, как группа поддержки «Половников» наехала на Еву. Они обступили её, пытаясь задавить своим количеством и дешевым пафосом. Я уже хотел вмешаться — в конце концов, Новак была моей проблемой, а не их — но остановился.

Ева не нуждалась в защите. Она стояла посреди этого сборища с таким видом, будто они были надоедливыми мухами. Когда она ответила, её голос прозвучал как выстрел в тишине. Уверенно, спокойно и с такой долей высокомерия, что я невольно усмехнулся. Она раздела их одной фразой.

Когда они ушли, я подошел к Еве. Она выглядела максимально сосредоточенной, на её лице не было ни капли страха.

— Неплохо, — сказал я, привлекая её внимание. — Они надеялись, что ты сднешься.

Ева повернулась ко мне, её глаза полыхнули огнем.

— Они надеялись, что я такая же пустышка, как они, Гринвуд.

— Ну, сегодня у тебя есть шанс доказать обратное, — я посмотрел на лед, где уже начинали разминаться игроки «Половников». — Наш тренер всё еще ворчит, что ты мешаешь. Покажи им всем, почему я настоял на твоём участии.

Она посмотрела на меня, и на секунду всё вокруг — гул трибун, запах льда, ожидание матча — перестало существовать. Между нами проскочила искра, от которой стало жарче, чем под прожекторами.

— Не заставляй меня жалеть о том, что я за тебя вступился, Новак, — добавил я почти шепотом. — Сегодня мы должны уничтожить их на всех фронтах.

— Ты просто делай свою работу, — ответила она, бросив на меня вызывающий взгляд. — А я займусь тем, чтобы после моего выхода про твой хоккей забыли на добрую половину вечера.

Глава 16

Ева

Гул трибун достиг своего апогея, когда голос диктора прорезал динамики, объявляя начало шоу. Я стояла в тени тоннеля, чувствуя, как адреналин мелкими иголками покалывает кончики пальцев.

— А сейчас встречайте! Группа поддержки «Половников»! — проорал ведущий.

Они выпорхнули на лед — рой из розовых блесток и фальшивых улыбок. Музыка была типичной: бодрый, но совершенно безвкусный поп-микс. Они танцевали чисто, синхронно, но... пусто. Это была классическая «картинка», которую зрители видели сотни раз: одинаковые взмахи помпонов, заученные прыжки, полное отсутствие души. Я видела, как фанаты на трибунах потянулись за телефонами или начали переговариваться — им было скучно.

— Готовы? — я обернулась к своим девчонкам. Они стояли как натянутые струны. В их глазах не было страха, только голод. Мы не собирались их поддерживать. Мы собирались их захватить.

— И их соперники! — голос диктора стал на октаву выше. — Встречайте группу поддержки «Святых» под руководством Евы Новак!

Мы вышли на настил. Никаких помпонов. Никаких блесток. Лаконичная, агрессивная форма, подчеркивающая каждое движение. Зал еще по инерции продолжал гудеть, но как только первые такты нашего трека — тяжелого, ломаного бита с вкраплениями неоклассики — ударили по ушам, трибуны начали стихать.

Я встала в центр, и мир сузился до размеров этого пластикового квадрата. Первое движение — резкое, ломаное, в самую суть ритма. Я чувствовала, как магия начинает действовать. Мы двигались не как группа поддержки, а как единый, опасный механизм. Современная хореография, которую я оттачивала годами, здесь, на фоне льда, выглядела как инопланетное вторжение.

Зал затих. Полная, звенящая тишина, в которой слышны были только наши вдохи и удары кроссовок о настил. Я видела краем глаза, как даже запасные игроки соперников замерли, забыв про воду и полотенца. Это было оно. То самое чувство контроля над толпой, ради которого я жила.

Райан

Я стоял у бортика, вцепившись пальцами в защитное ограждение. Мои парни за моей спиной замерли, как вкопанные. Я же велел им не смотреть, черт возьми. Но сам не мог отвести взгляд.

То, что делала Новак на этом настиле, не было танцем. Это была гипнотическая дуэль со всем миром. Когда она ушла в глубокий прогиб, а затем резко, почти по-звериному выпрямилась, я услышал, как кто-то из защиты рядом со мной громко сглотнул.

— Кэп, это вообще законно? — прошептал кто-то, но я не ответил.

Весь стадион будто погрузился в транс. Тишина была неестественной для хоккейного матча. «Половники» со своими розовыми помпонами теперь казались нелепой шуткой из прошлого века. Ева доминировала. Она буквально выжигала пространство вокруг себя, и я чувствовал, как эта энергия передается мне.

Мой пульс зашкаливал. Это была та самая «правильная злость», о которой я говорил тренеру. Глядя на то, как она бросает вызов трибунам каждым своим жестом, я понимал: после такого выхода мы просто не имеем права проиграть.

Музыка оборвалась внезапно, оставив после себя оглушительное эхо. Ева замерла, глядя прямо перед собой, и я готов был поклясться, что её взгляд был направлен именно на меня.

Прошла секунда, две — и зал взорвался таким ревом, какого я не слышал даже после своих лучших голов.

— На выход, — скомандовал я парням, надевая шлем. Голос сорвался, но мне было плевать. — Мы должны разорвать этот лед так же, как она только что разорвала этот зал.

Ева проходила мимо нас к выходу, её лицо было бледным, но торжествующим. Когда она поравнялась со мной, я лишь коротко кивнул ей. Слова были лишними. Она сделала свою работу. Теперь была моя очередь.

Ева

Когда мы зашли в подтрибунное помещение, рев толпы все еще отдавался вибрацией в полу. Девочки тяжело дышали, их лица светились от восторга — они купались в лучах успеха.

— Вы молодцы, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Это было... ярко.

Они заулыбались, начали переглядываться, но я чувствовала, как внутри меня разрастается холодный ком разочарования. Только сейчас, когда музыка стихла и магия момента рассеялась, я осознала правду: они не вытянули. Весь тот сложный, ломаный ритм контемпта, который я ставила, превратился в упрощенную версию. Они старались, но они не прожили этот танец так, как его видела я. В итоге всё шоу держалось на моей энергетике, а они были лишь бледным фоном.

И это была моя вина. Как постановщик, я должна была увидеть это раньше, на репетициях, а не ослепляться собственной работой.

Девочки молчали, глядя на меня. Я видела в их глазах немое обожание, и от этого становилось еще тошнее. Мне нужно было подтверждение.

— Девочки, — я посмотрела на Викторию и остальных. — Скажите честно: вам было тяжело входить в те акценты во второй части? Вы чувствовали, что музыка идет быстрее, чем вы успеваете дышать?

Они переглянулись, и Виктория, наконец, опустила взгляд.

— Мы... мы старались успеть, Ева. Но движения такие плотные. Иногда казалось, что мы просто имитируем твою скорость, но не чувствуем её.

Моя теория подтвердилась. Я поставила им уровень, к которому они были не готовы. Но сейчас было не время для разборок.

Я повернулась к монитору, где транслировали игру. Я никогда не была фанаткой хоккея — для меня это всегда было просто грубым спортом, — но сейчас выбора не было. Наша работа была завязана на их результате.

На льду творилось безумие. «Святые» играли так, будто на кону стояли их жизни.

Райан

Лёд летел в стороны под моими коньками. Я не видел трибун, не слышал криков — только стук сердца и тяжелое дыхание соперника за спиной. Мы вышли на этот период заряженными до предела. То, что Новак сделала перед матчем, действовало на парней как инъекция чистого адреналина.

— Жестче! Дави их к борту! — орал я, перехватывая шайбу.

Мы не просто играли в хоккей. Мы вели войну. Каждое столкновение было на грани фола, каждый пас — как выстрел. Я видел, что «Половники» дрогнули. Они не ожидали такого напора. Они привыкли к вежливым матчам, но сегодня «Святые» оправдывали свое название только формой — на льду мы были чертями.

Я краем глаза заметил Еву в проходе. Она смотрела на лед. Я знал, что она не смыслит в тактике, но она видела главное — мы рвали жилы. И я хотел, чтобы она видела, как я вбиваю эту шайбу в сетку. Не ради тренера, не ради очков в таблице. А ради того, чтобы закрепить тот триумф, который она начала своим танцем.

Этот матч должен был стать последним для наших врагов, и я собирался лично поставить в нем точку.

Ева

Я прислонилась к холодной бетонной стене в подтрибунном помещении, наблюдая за игрой через экран монитора. Грохот от ударов тел о борта доносился даже сюда, сквозь закрытые двери. «Святые» играли на грани фола, их движения были пропитаны какой-то первобытной, почти пугающей яростью.

Я смотрела на Райана. Он двигался по льду как маятник — неумолимо и точно. Каждый раз, когда он врезался в соперника, я невольно вздрагивала. Это не было похоже на тот отточенный, выверенный танец, к которому я привыкла. Это была стихия.

— Они сегодня просто звери, — прошептала Виктория, стоявшая рядом. — Никогда не видела Гринвуда таким... заведенным.

Я промолчала, понимая, что эта «заведенность» — отчасти и моя заслуга. Мы задали планку, и теперь парни выжигали лед, чтобы ей соответствовать. Но внутри меня всё еще было разочарование от нашего собственного выступления. Я смотрела на своих девочек — они выглядели счастливыми, восторженными, но я знала правду: они просто имитировали форму, не понимая сути.

Я чувствовала себя одинокой в этом триумфе. Как будто я создала язык, на котором в этом огромном здании мог говорить только один человек. И сейчас этот человек крушил оборону «Половников» в прямом эфире.

Райан

Кровь пульсировала в висках, заглушая свист трибун. Я видел только шайбу и ворота. «Половники» пытались играть грязно, цепляли клюшками, толкали в спину, но это только подливало масла в огонь. После того, что я увидел на настиле перед матчем, во мне не осталось места для усталости. Только для этой бешеной, режущей энергии.

— Соберитесь! Осталось пять минут! — проорал я парням на вбрасывании.

Я поймал взгляд тренера на скамейке. Тот всё еще выглядел хмурым, но в его глазах читалось невольное уважение. Его «дисциплина» сегодня работала на максимальных оборотах именно потому, что парни были наэлектризованы до предела.

Я снова пошел в атаку. Обход слева, ложный замах, резкий разворот. Защитник соперника попытался прижать меня к борту — к тому самому месту, где вчера стояла Ева. Вспышка воспоминания: её запах, её дерзкий взгляд, вызов в каждом движении.

Я ушел от столкновения на вираже, чувствуя, как лезвие конька вгрызается в лед. Шайба будто приклеилась к крюку. Удар. Сетка ворот прогнулась, и стадион взорвался таким ревом, что, казалось, крыша сейчас рухнет.

Я не поехал праздновать к фанатам. Я развернулся и посмотрел в сторону тоннеля, где, я знал, стояла она. Новак хотела, чтобы про мой хоккей забыли? Что ж, теперь мы были квиты. Мы оба превратили эту арену в свое личное поле боя. И судя по тому, как дрожали руки у капитана соперников, мы победили еще до финальной сирены.

Ева

Сирена об окончании матча прозвучала как приговор для «Половников» и как освобождение для меня. Стадион буквально содрогался от восторга — «Святые» не просто выиграли, они размазали соперника по льду.

Я видела, как мои девочки прыгали от радости, обнимались и кричали, празднуя победу, к которой они считали себя причастными. Я выдавила из себя фальшивую улыбку, но внутри было пусто. Моя теория подтвердилась: когда я спросила их о темпе, их признание в том, что они лишь имитировали мои движения, не чувствуя их глубины, стало для меня точкой невозврата. Как хореограф, я совершила дилетантскую ошибку — поставила профессиональный контемп тем, кто привык к простым связкам.

— Вы идите в раздевалку, — бросила я Виктории, перекрикивая шум толпы. — Я скоро буду.

Мне нужно было уйти. Нужно было смыть с себя это чувство «недоделанности». Я направилась к выходу, стараясь не смотреть на лед, где команда Райана уже всюю праздновала успех. Я никогда не любила хоккей, считая его бессмысленной резней, но сегодня я увидела в нем нечто иное. Это была страсть, которой так не хватало моим танцовщицам.

Райан

Мы сделали это. Триллер на льду закончился разгромом. Парни висели друг на друге, обливались водой, а тренер, вопреки своей вечной угрюмости, довольно хлопал всех по плечам. Но мой взгляд постоянно возвращался к выходу с настила.

Я чувствовал себя так, будто только что вышел из эпицентра шторма. Каждое движение Евы в начале матча стояло у меня перед глазами, подстегивая меня играть жестче и быстрее. Это не был просто матч — это был ответ на её вызов.

— Эй, Кэп, ты чего? Мы их порвали! — ко мне подкатил наш защитник, тяжело дыша.

— Да, — коротко бросил я, снимая шлем. Волосы были мокрыми от пота, а сердце всё еще колотилось о ребра. — Порвали.

Я заметил её фигуру в дальнем конце коридора. Она уходила. В её походке не было триумфа, хотя весь стадион только что аплодировал ей стоя. Это было странно. Если бы я только что выдал такое соло, я бы наслаждался каждой секундой славы.

Я проигнорировал крики парней, зовущих меня праздновать дальше, и, не снимая коньков, зашагал по резиновой дорожке в сторону раздевалок. Я должен был её догнать. Мне нужно было увидеть её глаза сейчас, когда пыль улеглась. Потому что, несмотря на счет на табло, я знал: главная битва сегодня произошла не между командами, а между мной и этой невыносимой девчонкой.

— Новак! — крикнул я, когда её фигура уже скрывалась за поворотом.

Она остановилась, но не обернулась. Я видел, как напряглись её плечи. Мы снова были наедине, в тишине подтрибунных помещений, в то время как за стеной гремела история, которую мы оба только что создали.

Ева

Я замерла, вцепившись пальцами в ляжку своей сумки. Голос Райана, хриплый и сорванный от криков на льду, прорезал тишину коридора, заставляя меня медленно обернуться.

Он выглядел пугающе: мокрые волосы прилипли ко лбу, на скуле наливалась свежая ссадина, а от его джерси исходил жар. Он всё еще был там, в пылу битвы, в то время как я уже успела провалиться в свою личную бездну разочарования.

— Что, Гринвуд? — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально безразлично. — Пришел получить заслуженную порцию восхищения? Поздравляю, вы их уничтожили. Теперь иди к своим, они тебя заждались.

Я надеялась, что он уйдет. Но Райан сделал шаг навстречу, и скрежет его коньков по резиновому покрытию прозвучал как предупреждение.

— А ты почему не со своими? — он прищурился, изучая моё лицо. — Весь стадион на ушах. Миссис Харрис светится так, будто ей подарили новый корпус. А у тебя такой вид, будто ты только что похоронила свою карьеру. Что не так, Новак? Танец был... — он замялся, подбирая слово, — гипнотическим.

— Он был фальшивым, Райан, — вырвалось у меня прежде, чем я успела себя остановить. Я горько усмехнулась, глядя в его удивленные глаза. — Весь этот «гипноз» — моя работа. А девочки... они просто махали руками в такт. Они не вытянули ни одной сложной связки. Я поставила шедевр, а получила посредственную подделку.

Я отвернулась к стене, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— Я облажалась как тренер. Я дала им то, что они не могут переварить.

Райан

Я смотрел на неё и не верил своим ушам. Эта девчонка только что совершила невозможное — она заставила фанатов хоккея замолчать и смотреть на современное искусство, затаив дыхание. Она спасла репутацию группы поддержки. А теперь стоит здесь, в полумраке коридора, и уничтожает себя за то, что кто-то там «не дотянул носок».

— Ты серьёзно? — я подошел вплотную, так что почувствовал запах её парфюма, смешанный с запахом лака для волос. — Ты хоть понимаешь, что произошло там, на льду?

Я протянул руку и резко развернул её к себе за плечо. Ева вспыхнула, в её глазах снова зажегся тот самый опасный огонь, который я видел во время выступления.

— Послушай меня, Новак. Моим парням было плевать на их «связки». Им было плевать на синхронность. Они видели тебя. Ты задала такой ритм, что у нас зубы сводило от желания вгрызться в этот матч. Ты была центром этой чертовой вселенной.

Я замолчал на секунду, глядя прямо в её расширившиеся зрачки.

— Если ты ждала идеального балета от девчонок, которые вчера еще не знали, что такое контемп — ты дура. Но если ты хотела устроить шоу, которое заставит «Святых» рвать жилы ради победы — ты это сделала.

Я сократил расстояние между нами до минимума, чувствуя, как адреналин после игры смешивается с чем-то другим, более тяжелым и горячим.

— Перестань быть своим самым строгим судьей хотя бы на одну ночь, Ева. Сегодня ты выиграла. И я — вместе с тобой.

Я видел, как её дыхание сбилось. Она открыла рот, чтобы что-то возразить, но я не дал ей этого сделать. В эту секунду мне было плевать на дисциплину, на тренера и на то, что нас могут увидеть. Я просто хотел, чтобы эта колючая и невыносимая девчонка наконец поняла, какову власть она имеет над этим льдом. И надо мной.

Ева

Я смотрела в его глаза — тёмные, лихорадочно блестящие от пережитого триумфа — и чувствовала, как моя стена самобичевания даёт трещину. Райан стоял так близко, что я ощущала исходящий от него жар, почти обжигающий в прохладном коридоре. Его рука на моём плече была тяжёлой и уверенной, и этот жест, который должен был меня разозлить, почему-то дарил странное чувство опоры.

— Ты не понимаешь, Гринвуд, — прошептала я, хотя мой голос предательски дрогнул. — Я перфекционист. Для меня «почти» — это провал.

— Тогда ты выбрала не то место для перфекционизма, Новак, — его голос стал тише, приобретая опасную бархатистость. — Здесь не театр. Здесь арена. И сегодня ты была на ней королевой, даже если твои подданные путали шаги.

Я хотела возразить, хотела напомнить ему, что я не фанатка хоккея и вся эта спортивная ярость мне чужда, но слова застряли в горле. Его вера в мой успех была такой осязаемой, что я на мгновение позволила себе её разделить. В конце концов, я действительно сделала то, ради чего меня наняла миссис Харрис. Я изменила правила игры.

— Ты всегда такой самоуверенный, когда побеждаешь? — я попыталась вернуть себе привычную колючесть, но это прозвучало скорее как капитуляция.

— Только когда вижу что-то действительно стоящее, — ответил он, не отводя взгляда.

Райан

Она стояла передо мной — хрупкая, но при этом обладающая такой силой, которая могла бы остановить разогнавшийся локомотив. Я видел, как её губы приоткрылись, как её гнев и разочарование сменились чем-то другим, более мягким и уязвимым. И это зрелище было куда круче любого гола в моей карьере.

— Знаешь, в чём твоя проблема, Ева? — я чуть сильнее сжал её плечо, сокращая последние сантиметры между нами. — Ты слишком привыкла всё контролировать. Свой танец, свою

команду, свои чувства. Но лёд не терпит полного контроля. Иногда нужно просто позволить себе скользить.

Я видел, как она сглотнула, глядя на мою ссадину на скуле. Её пальцы невольно дернулись, словно она хотела коснуться раны, но она сдержалась. Эта борьба внутри неё заводила меня больше, чем любая драка на пяточке.

— И что ты предлагаешь? — её голос был едва слышен. — Просто забыть, что мы на разных полюсах? Что я здесь временно, а ты — легенда этого болота?

— Предлагаю перестать анализировать хотя бы на пять минут, — я медленно опустил руку с её плеча на талию, чувствуя, как она напряглась, но не отстранилась. — Матч окончен, Новак. Мы оба выжили. Разве это не повод... признать ничью?

Я видел, как её взгляд переместился с моих глаз на мои губы. В коридоре по-прежнему было тихо, только отдалённый гул ликующей толпы напоминал о том, что снаружи всё ещё существует мир. Но здесь, в этом полумраке, существовали только мы — хореограф, который ненавидит проигрывать, и капитан, который только что научился ценить искусство. И я не собирался давать ей шанс снова сбежать в свою раковину.

Ева

Я чувствовала, как его рука на моей талии диктует новый, совершенно незнакомый мне ритм. Это не был танец, который можно отрепетировать перед зеркалом. Это была импровизация, где каждое движение зависело от того, насколько близко я позволю ему подойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.